

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ПЕРЕКЛАДОЗНАВСТВА

УДК 81'373.612.2:[811.161.1+811.163.2]

Г. Н. Гочев

Республика Болгария, Велико-Тырново

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АДЕКВАТНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЗВУКО-ЦВЕТОВОГО ЭФФЕКТА ТЕКСТА (на материале переводов М. Маринова и А. Андреева стихотворения С. Есенина «*Не жалею, не зову, не плачу...*» на болгарский язык)

В настоящей статье делается попытка выяснить прагматическую адекватность двух переводов стихотворения С. Есенина «Не жалею, не зову, не плачу...» на болгарский язык. Анализ проводится с точки зрения звуко-цветового эффекта поэтического текста, возникающего благодаря свойству человеческой психики на подсознательном уровне ассоциировать звуки с цветовыми образами. В результате этого поэтические тексты сопровождаются неосознанной звуко-цветовой картиной, составляющие которой можно соотнести с цветовой символикой и установить связь значений цветов с подтекстом произведения. Прагматическая адекватность, пристокающая от сохранения замысла автора, а неадекватность – от его нарушения, определяются совпадением или несовпадением символики цветковых составляющих оригинального текста и переводов.

Ключевые слова: звуко-цветовой эффект, звуко-цветовая картина, прагматическая адекватность, подтекст, перевод.

У цій статті зроблена спроба з'ясувати прагматичну адекватність двох перекладів вірша С. Єсенина «Не жалею, не зову, не плачу...» болгарською мовою. Аналіз проведений із

погляду звуко-колірного ефекту поетичного тексту, що виникає завдяки властивості людської психіки на підсвідомому рівні асоціювати звуки з кольорними образами. У результаті цього поетичні тексти супроводжуються неусвідомленою звуко-колірною картиною, складники якої можна співвіднести з кольірною символікою і встановити зв'язок значень кольорів із підтекстом твору. Прагматична адекватність, що виникає від збереження задуму автора, а неадекватність – від його порушення, визначаються збігом або розбіжністю символіки кольірних складників оригінального тексту й перекладів.

Ключові слова: звуко-колірний ефект, звуко-колірна картина, прагматична адекватність, підтекст, переклад.

The present article attempts to explore the pragmatic adequacy of two Bulgarian translations of S. Yesenin's poem 'I Do Not Regret, And I Do Not Shed Tears'. The analysis is carried out from the point of view of the sound-colour effects of the poetic text, which arise due to a characteristic of the human psyche to associate sounds with colour images on a subconscious level. As a result, poetic texts are accompanied by a sound-colour picture of which the reader is unaware, and whose components could be related to colour symbolism, revealing a correspondence between the meaning of colours and the subtext of the literary work. Pragmatic adequacy, which stems from preserving the author's conception, or inadequacy, which results from its violation, is determined by the match or mismatch of the symbolism of the colour components of the original text and its translation.

Key words: sound-colour effect, sound-colour picture, pragmatic adequacy, subtext, translation.

1. Прагматическая адекватность поэтического текста, по мнению В. Комиссарова, представляет собой «коммуникативный эффект» [8, с. 135], суть которого заключается в следующем: перевод должен оказывать то же самое воздействие на читателя, которое оказывает текст на читателя оригинала.

Настоящая статья имеет целью установить прагматическую адекватность двух переводов стихотворения Сергея Есенина

«Не жалею, не зову, не плачу...» на болгарский язык: «Не тъгувам, не зова, не плача» (перевод Михаила Маринова) и «Не зова, не плача, не жалея...» (перевод Андрея Андреева)¹. Раскрывать эту проблему будем на основе специфики звукоцветового эффекта поэтического текста, возникающего благодаря свойству человеческой психики на подсознательном уровне ассоциировать звуки с цветовыми образами.

2. Звуко-цветовой эффект поэтического текста создается подсознательной ассоциативной связью между звукобуквой и цветом. Эта связь имеет закономерный характер и специфична для носителей различных языков. Обнаруживается она методом психологического анкетирования: проверяется цветовая реакция испытуемых на звукобукву и их звуковая реакция на цвет. Считается, что ассоциативные связи такого типа характерны, в основном, для гласных, которые на этом этапе являются наиболее изученными. Данные анкетирования носителей русского и болгарского языков выявили следующие более или менее устойчивые ассоциативные связи между звукобуквами и цветами:

– русские респонденты связывают А с густо-красным; Я с ярко-красным; О со светло-желтым или белым; Е с зеленым; Ё с желто-зеленым; И с синим; У с темно-синим, темным сине-зеленым, темно-лиловым; Ю с голубоватым; Ы с мрачным, темно-коричневым или черным [6, с. 128];

– болгарские респонденты считают А – белым или красным; О – красным или белым; Я – красным и белым; И, ЪО – синим; Е – зеленым и желтым; У – коричневым; Ъ – черным и серым; Ю – лиловым [4, с. 280–281].

Эти связи, в зависимости от частотности употребления гласных в поэтическом тексте, формируют его звуко-цветовую картину, содержащую различные цветовые составляющие. Устанавливаются они путем определения «доли (частотности)» каждой гласной в тексте [6, с. 130].

¹ Тексты в Приложении (в конце статьи).

Цветовые составляющие поэтических текстов, как правило, различаются, ср. например: «Пожар в архитектурном» А. Вознесенского – красная, синяя [6, с. 134]; «Перед листопадом» А. Тарковского – желтая, красная [6, с. 133]; «Петровские казни» А. Тарковского – черная и багровая [Там же].

Факт различий цветowych картин поэтических текстов, отличающихся своим содержанием, идеями и смыслами, дает основание считать, что цветовые составляющие непосредственно зависят от содержания произведения. Установление этой зависимости возможно только в том случае, если цвет наделен определенным значением, которое можно связать с содержанием текста.

Цвет приобретает значение только в системе цветовой символики. На этом основании можно предположить наличие смыслового соответствия между содержанием текста и цветовой символикой. Эту корреляцию символики составляющих звуко-цветовой картины и смыслов подтекста назовем смысловым звуко-цветовым эффектом. Схематически это будет выглядеть следующим образом:

подтекст (замысел, идеи, смыслы)	→	звуко-цветовая картина
↑		↓
символика цветowych составляющих		

Таким образом, под смысловым звуко-цветовым эффектом будем понимать: а) подсознательное восприятие поэтического текста в виде цветовой картины, возникающей в результате закономерности звуко-цветовых ассоциаций; б) связь цветowych составляющих этой картины с установленной в языковых коллективах цветовой символикой, которая коррелирует с идеями произведения.

Исходя из этого, о прагматической адекватности перевода следует говорить в случаях, когда символика звуко-цветовой картины перевода характеризуется совпадением, сходством или близостью со значениями звуко-цветовой картины оригинала. И

наоборот, их отсутствие будет означать, что перевод не выполняет свою прагматическую функцию, т. е. не производит то воздействие, на которое рассчитывал автор в оригинале.

3. Звуко-цветовой эффект в оригинале и текстах перевода

Статистическая обработка гласных текстов С. Есенина и переводчиков М. Маринова и А. Андреева фиксирует на подсознательном уровне следующие основные составляющие их звуко-цветовых картин:

	Сергей Есенин		Михаил Маринов		Андрей Андреев	
	цвет	доля	цвет	доля	цвет	доля
1.	Мрачный темно-коричневый или черный	1,4	коричневый	3,8	белый, красный,	2,2
2.	Темно-синий, темный сине-зеленый, темно-лиловый; голубоватый	1,1	красный, белый	1,5	зеленый, желтый	1,2

Стихотворение «*Не жалею, не зову, не плачу...*» принадлежит философской лирике С. Есенина, что и определяет религиозную² цветовую символику как средство толкования его идей и смыслов.

Основная составляющая звуко-цветовой картины оригинала – *коричневый* цвет (1, 4). Православная символика считает его «цветом земли, грусти. Он символизирует смирение, отказ от мирской жизни» [1]. Ср. еще: *коричневый* — «цвет земли, означает смирение, бедность, отречение от мира. В этом смысле

² Практически существуют две основные цветовые символики – народная, возникшая и развивающаяся спонтанно, на психофизическом уровне, и религиозная, появившаяся на основе христианства, создавшего свою систему символов, отражающую важнейшие постулаты православного учения. Отношение цветового символа к тем или иным событиям и явлениям в жизни человека осложняется пересечением этих двух основных символических кодов цвета, поэтому при анализе обязательно нужно учитывать жанр и тематику поэтического произведения и в зависимости от этого толковать звуко-цветовые картины с точки зрения религиозной или народной символики.

он встречается на иконах в одеяниях святых и Божией Матери, а также в одеждах некоторых западных монашеских орденов» [13].

На основе символики коричневого цвета в православии, центральную идею стихотворения можно определить как необходимость смирения перед неизбежностью, т. е. перед неминуемым концом земного существования, ср.: *Не жалею, не зову, не плачу, / Всё пройдёт, как с белых яблонь дым. ...; Все мы, все мы в этом мире тленны, ... / Будь же ты вовек благословенно, / Что пришло процветать и умереть.*

Второй основной цвет оригинала, или скорее, набор таких цветов, как *темно-синий, темный сине-зеленый, темно-лиловый; голубоватый* (1, 1), практически совпадает с цветами облачений священников в дни поста (*темно-синий, фиолетовый, темно-зеленый, темно-красный и черный*) [11]. Пост считается символом «отречения от пышности мирской суеты, цветом плача и покаяния» [11] и его смысл, как пишет П. Михалицын, «заключается не в изнурении плоти, а является лишь удобным средством усмирения телесных и душевных страстей» [10].

Все это находит подтверждение в содержании стихотворения, в котором отчетливо прослеживается основной посыл поэта – конец беспокойной, напряженной, бурлящей жизни, наступление умиротворения, усмирение страстей, приобретение покоя и, наконец, плач по ушедшей молодости.

Звуко-цветовая картина перевода М. Маринова («*Не тъгувам, не зова, не плача*») частично совпадает со звуко-цветовой картиной оригинала. Ведущей цветовой составляющей также является *коричневый* цвет (3, 8). Следовательно, цветовая символика перевода достаточно адекватно отражает основной смысл произведения – смирение перед неизбежным концом.

В качестве второй цветовой составляющей выступает *красный* цвет (1,5), который в православии используется «в дни памяти мучеников, которые пролили кровь за свою веру» [1]. Мученичество, т. е. чувство страдания, действительно присутствует в подтексте стихотворения, но оно не является

ведущей идеей произведения. Его появление в звуко-цветовой картине перевода является результатом отдельных отклонений от содержания оригинала, обусловленных заменой некоторых болгарских эквивалентов словами, отражающими большую степень проявления чувств, что усиливает восприятие мучительных переживаний лирического героя, ср.: *Сердце, тронутое холодком, – сърце, докоснато от хлад; Расшевеливаешь пламень уст – не гори ме с пламък; Я теперь скупее стал в желаньях – С бурните желания съм скаран.*

Основные цветовые составляющие перевода А. Андреева слишком резко отличаются от составляющих оригинала – *белый* (2, 2) и *зеленый* (1, 2). На наш взгляд, это вызвано, в основном, изменением в переводе двух основных моментов содержания оригинала – состояния и статуса лирического героя.

Показателен с точки зрения состояния героя перевод следующей строчки: *О, моя утраченная свежесть, ... – Младост моя, весела и кратка, ...*

В переводе она разительно отличается от оригинальной как по смыслу, так и по настроению лирического героя. Состояние лирического героя описывается практически в противоположном ключе. Если в оригинале ощущаем чувство смирения с утратой молодости, то в переводе осязаем чувство удовлетворенности прошедшей жизнью и легкую грусть по ней. Переводчик вкладывает в уста лирического героя мысли человека, счастливого, испытывающего удовлетворение самим собой и миром. Это уже не смирившийся герой оригинала, а человек, достигший гармонии с собой, пребывающий в мире спокойствия и покоя.

Резко поменялся в переводе и статус лирического героя. Произошло это в результате замены контекстов, выражающих адресанта (а) или адресата (б) коммуникации, контекстами, обозначающими объект коммуникации. Ср.:

а) **я – то (оно):** *Увяда^нья з^олото^м охваченный, / Я не буду больше молодым. – Есенното злато щом повее, / знам, че няма вече да съм млад; мы – всичко (всё):* *Все мы, все мы в этом мире тленны, – Знам, че всичко в този свят е тленно;*

б) ты – то (оно): *Ты теперь не так уж будешь биться, – И сьрцето удара свободен / ще смири, докоснато от мрак; ты – той (он): Дух бродяжий! ты всё реже, реже / Расшевеляваешь пламень уст – Скитническият ми дух по-рядко / ще изгаря моите уста; ты – то (оно – безл.): Будь же ты вовек благословенно, / Что пришло процвеств и умереть. – Но навек да е благословено / цѣфналото, за да прецѣфти.*

Произведена существенная трансформация, приводящая к реорганизации смыслов авторского текста, формирующей совершенно другое представление о лирическом герое и о содержании текста оригинала.

Перед болгарским читателем герой предстает не только в роли героя, переживающего свою судьбу, но и в роли постороннего наблюдателя, вещающего его судьбу: *Есенното злато щом повее; Знам, че всичко в този свят е тленно; И сьрцето удара свободен / ще смири, докоснато от мрак; Скитническият ми дух по-рядко / ще изгаря моите уста; Но навек да е благословено / цѣфналото, за да прецѣфти.*

Лирический герой в переводе представлен как человек, возродившийся в новой ипостаси, как человек, освобожденный от земной суеты, способный смотреть на себя со стороны. Он уже покинул мир страстей, он уже в другом мире, из которого наблюдает за своей прошлой жизнью и оценивает свои поступки.

Новая ипостась героя тесно перекликается с православной символикой как *белого*, так и *зеленого* цвета.

В христианстве *белый* цвет, кроме божественности, святости и веры, символизирует исчезновение в небытие, но это исчезновение, в отличие от тленной смерти, связано с переходом в небесный мир [3, с. 86].

Зеленый цвет, как известно, не является божественным цветом, но «воспринимается религиозным чувством, как символ жизни, весны, **обновления**, оживотворения» [7].

В конечном итоге посыл поэта заменен посылом переводчика – переход в иной спокойный и счастливый мир и пребывание в гармонии с собой и этим миром.

4. В заключение отметим, что независимо от всей условности и субъективности установленной корреляции звуко-цветовых картин стихотворения С. Есенина «*Не жалею, не зову, не плачу...*» и двух его переводов, она существует и ее можно использовать как в анализе поэтических произведений, так и в определении их переводческой адекватности.

Библиографические ссылки

1. База И. Цветовые символы христианства. Режим доступа: <http://cvet-psy.ru/tsvetovyye-simvol-y-hristianstva/>
2. Бреслав Г. Э. Цветопсихология и цветолечение для всех. Санкт-Петербург : Б.&К., 2000. 212 с.
3. Върбанов П. Цветознание. Велико Търново : Св. св. Кирил и Методий, 1994. 122 с.
4. Гочев Г. Н. Звукоцветови съответствия на българските гласни. *Лингвистика на литературния текст и теория на литературата*. Велико Търново, 1994.
5. Журавлев А. П. Фонетическое значение. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 160 с.
6. Журавлев А. П. Диалог с компьютером. Москва : Молодая гвардия, 1987. 205 с.
7. Иеромонах Дометиан. Сакрально-символический смысл цвета в православии, Новосибирск – <https://funeralportal.ru/library/1578/3845.html>
8. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Москва : ЭТС, 2004. 424 с.
9. Марченко А. М. Поэтический мир Есенина. Москва : Сов. писатель, 1972. 310 с.
10. Михалицын П. Е. Первая книга православного верующего. Режим доступа: <https://religion.wikireading.ru/26786>
11. Пономарев В. Справочник православного человека. Часть 1. Православный храм. Москва, 2007.
12. Прокофьева Л. П. Звуко-цветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. Саратов, 2008. 47 с.

13. Федоров Ю. А. Беседа 1. Символика цвета в христианском искусстве. *Московский Ювелир*. 2005. № 1. Режим доступа: http://www.pokimica.com/lang_ru/tekst1_02_ru.htm
14. Швейцер А. Д. Эквивалентность и адекватность перевода. *Тетради переводчика*. 1989. Вып. 23. С. 31–39.
15. Юдкевич Л. Г. Лирический герой Есенина. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1971. 210 с.

Приложение

Сергей Есенин	Михаил Маринов	Андрей Андреев
<p>Не жалею, не зову, не плачу, / Всё пройдёт, как с белых яблонь дым. / Увядания золотом охваченный, / Я не буду больше молодым. / Ты теперь не так уж будешь биться, Сердце, тронутое холодком, / И страна берёзового ситца / Не заманит шляться босиком. / Дух бродяжий! ты всё реже, реже / Расшевеливаешь пламень уст / О, моя утраченная свежесть, / Буйство глаз и половодье чувств! / Я теперь скупее стал в желаньях, / Жизнь моя, иль ты приснилась мне? /</p>	<p>Не тъгувам, не зова, не плача. / Ще слети от ябълките цвят. / В златното увяхване на здрача / знам, че вече няма да съм млад. / Ще отслабне бавно всеки удар / в теб, сърце, докоснато от хлад. / На полята в брезовия губер / няма бос да тичам, ни крилат. Скитнишкият порив ме напусна, / не гори ме с пламък, а мълчи. / Стихна свежестта на моите устни, / буйството на чувства и очи. / С бурните желания съм скаран, / мой живот. Сънувах ли в степта? /</p>	<p>Не зова, не плача, не жалея. / всичко ще отmine в този свят. Есенното злато щом повее, / знам, че няма вече да съм млад. / И сърцето удара свободен / ще смири, докоснато от мрак. / И не ще ме мами краят роден / сред брезите бос да тръгна пак. / Скитническият ми дух по-рядко / ще изгаря моите уста. / Младост моя, весела и кратка, / лудост във очите и кръвта. / Скъп ли на желания съм станал, / като в сън ли минах през света? /</p>

Словно я весенней гулкой ранью / Проскакал на розовом коне. / Все мы, все мы в этом мире тленны, / Тихо льётся с клёнов листьев медь... / Будь же ты вовек благословенно, / Что пришло процвесь и умереть.	Сякаш в пролетната звънка заран / с розов кон преминах през света. / Всичко, всичко в този свят е тленно. / Медна есен клена позлати... / Нека е навек благословено / цъфналото, за да прецъфти.	Или с розов кон във утрин рана / съм препускал сам през пролетта? / Знам, че всичко в този свят е тленно. / Мед в листата кленови блести / Но навек да е благословенно / цъфналото, за да прецъфти.
---	---	--

УДК 81'373.612.2:[811.161.1+811.163.2]

В. П. Иванова
Република България, Велико-Тырново

ОТНОШЕНИЯ ПАРТИТИВНОСТИ, ПОСЕССИВНОСТИ И ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТИ КАК ОСНОВА ВОЗНИКНОВЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ИННОВАТОВ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются семантические инноваты в русском и болгарском языках, возникшие в результате метонимического переноса на основе отношений партитивности, посессивности и взаимообусловленности между производящей и производной семемой. Изменения в семантической структуре слова такого типа являются следствием активизации инновационных процессов на лексико-семантическом уровне в русском и болгарском языках в период последних 25–30 лет.

Ключевые слова: семантический инноват, метонимический перенос, партитивные отношения, отношения посессивности и